

ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ: ЗАМЫСЕЛ И ИСПОЛНЕНИЕ
Terminology: plan and execution

Кабакова Е. Г., директор Центра подготовки и тестирования иностранных граждан,
Уральский ГАУ,
(Екатеринбург, ул. Либкнехта, 42)

Аннотация

Автор статьи рассматривает историю развития науки о терминах в свете идей ее основоположников и предпринимает попытку сформулировать новые подходы к изучению терминологии.

Ключевые слова: терминоведение, терминология, термин, О. Вюстер, К. Шефлер, Д. Лотте, эргономика.

Summary

The author examines the history of development of science about the terms in the light of the ideas of its founders and makes an attempt to formulate new approaches to the studying of terminology.

Keywords: science of terminology, terminology, term, Karl Scheffler, Eugen Wüster, Lotte, ergonomics.

Период формирования отечественного терминоведения как науки можно уместить между двумя десятилетиями: в 1930-е работы Д. С. Лотте, Э. К. Дрезена, С. А. Чаплыгина, А. Ф. Лесохина и др. впервые привлекли внимание научной общественности к вопросам терминологии, а о 1970-1980-х годах принято говорить как о времени, когда процесс формирования этой науки уже был в целом завершен. В последующие годы терминоведение как наука окрепло уже настолько, что ее развитие привело к образованию новых научных школ, таких, например, как московской или воронежской, и в их рамках – разных научных подходов к рассмотрению сущности термина: диахронического, семиотического, дискурсивного, когнитивного и др. Сегодня терминологическая наука имеет таким образом довольно продолжительную историю, вполне достаточную для того, чтобы стало возможным сопоставить те интенции, которыми руководствовались первые терминологи (инженеры по образованию), и результаты, к которым пришли современные исследователи термина, ставшие на тот же путь.

Нетрудно убедиться в том, что терминоведение зарождалось под знаменем критики. Первыми чувство неудовлетворенности существующим в науке состоянием дел испытали «техники», столкнувшиеся с проблемой «функционально неосмысленной» терминологией. Попытки как-либо унифицировать такую «хаотичную терминологию» оканчивались неудачей, поскольку, как пишет Д. С. Лотте в статье «Упорядочение технической терминологии» (1932), они имели налет «кустарщины» и «приводили весьма часто к обратным результатам» – искажали теоретическую мысль и еще больше запутывали терминологию [3, 69].

Солидарность с «техниками» в этом вопросе выразили и лингвисты. Чрезвычайно ценно в этом смысле высказывание Н. Я. Марра, часто цитируемое в трудах по истории терминоведения: «...нет самих языковедных теоретических основ построения терминов, все строится от случая к случаю, в отраслевом мирке, без учета другого или других, беспринципно, оппортунистически, и рационализировать эту кашу, неразбериху значит только увеличивать путаницу, если не будет коренной перестройки самого источника, откуда... должны извлекаться нормы терминологического творчества...» [3, 59]. Как видим, академик-языковед заочно соглашается с инженером Лотте: он также находит неудовлетворительным не только состояние самой терминологии («каша», «неразбериха», необходимость ее коренной перестройки), но и предпринятые попытки это положение исправить («путаница», отсутствие «языковедных теоретических основ»).

Этот негативный фон, на котором появились в России первые работы о терминологии, неожиданно сблизил языковедов и «техников». Стало очевидным, что в науке оказались востребованы «техники», обладающие глубоким языковым чутьем, и лингвисты, отличающиеся широкой технической эрудицией. Однако, отметим сразу: в 1930-е годы (как, впрочем, и позднее) эпистемологическая встреча «техника» и лингвиста не состоялась. Этот факт с большой долей горечи или удивления констатирует Э. К. Дрезен в своей рецензии на книгу О. Вюстера (издание последней и инициировало появление в советской печати статей о терминологии): по его мнению, даже немногочисленные отзывы языковедов «ставят своей целью *мирно тихо „спустить под откос“ вопросы, поднятые инициативой Вюстера. Конкретной критики*, – продолжает автор рецензии, – критики, поднятой на принципиальную высоту, мы в этих отзывах *не находим. Не находим в них и поддержки идей Вюстера (здесь и далее полужирный курсив – наши. – Е.Г.)*» [3, 83]. Со своей стороны, со стороны «техников», слова Э. К. Дрезена по-своему исчерпывающе объясняют причины такой «невстречи»: «поддержку не находим» – но, следовательно, искали, нуждались в этой поддержке, был некий онтологический призыв к лингвистам обратиться к данной проблематике как людям, которые занимаются проблемами языка профессионально, – поддержку не нашли.

Отсутствие интереса к работе О. Вюстера со стороны лингвистов вполне могло поставить крест на дальнейшем развитии терминоведения как науки, если бы не два выдающихся языковеда, Г. О. Винокур и А. А. Реформатский, которые обратились к этой проблематике в нескольких работах, стоящих вдалеке от *mainsstream*'а их собственного научного наследия (А. А. Реформатский, например, даже не считал нужным публиковать свои статьи о терминологии). «Термины – это не особые слова, а только слова в особой функции» [1, 5], – это определение термина, принадлежащее Г. О. Винокуру, знакомо каждому терминоведу. Так с точки зрения лингвиста и есть: «Термины – это... *только* слова». Благодаря авторитету ученого

термины оказались таким способом включены в область научных интересов лингвистов и данная проблематика получила особый, лингвистический, разворот: раз термины – это определенная группа слов, лингвисты обратятся к ее изучению.

Г. О. Винокура, А. А. Реформатского, В. В. Виноградова можно отнести к числу основоположников *лингвистического терминоведения*. Однако влияние их работ на формирование этой науки следует считать двояким: с одной стороны, они сделали возможным дальнейшее лингвистическое исследование терминологии, обеспечив тем самым будущее терминоведения, с другой – обозначили *границы этого исследования*. Взгляд на терминологию, обоснованный корифеями, до сих пор разделяют большинство современных лингвистов, готовых заниматься лишь «языковым терминоведением». Но именно этот подход к изучению терминоведения, предложенный языковедами, и был, по-видимому, воспринят со стороны «техников» как попытка «мирно тихо „спустить под откос” вопросы, поднятые инициативой Вюстера».

Тем не менее, как показывает весь ход развития терминоведческой мысли, пророческими для истории терминоведения оказались слова другого, неизвестного в России, лингвиста, выглядевшего в глазах многих «белой вороной», – К. Шефлера. «Демонстрируя в этой рецензии собственную недостаточную компетенцию в поставленных Вюстером вопросах, – пишет Э. К. Дрезен в статье «Нормализация технического языка при капитализме и социализме» (1932), – К. Шефлер все же признает, что *все, что будет создаваться в будущем в направлении развития и взаимодействия техники и языка, сможет основываться только на материалах труда Вюстера*» [3, 83]. Действительно складывается впечатление, что основные тезисы статей Д. С. Лотте, находившегося в 1930-е годы под сильнейшим впечатлением от книги О. Вюстера «Интернациональное нормирование языка в технике и особо в электротехнике», были восприняты как руководство к действию по следующим пунктам:

1. Первая задача технической терминологии, по Д. С. Лотте, – «изучить эволюцию терминов, подвести под нее закон» [«Очередные задачи технической терминологии», 1931, 3, 54]. Эта задача реализуется лингвистами в рамках исторического терминоведения (А. С. Герд, С. В. Гринев, Б. Л. Богородский, О. В. Борхвальдт, Л. Л. Кутина, С. Д. Ледяева, Ф. П. Сороколетов, В.Н. Сергеев, Е.Н. Толикина и мн. др.).

2. Вторая задача технической терминологии, по Д. С. Лотте, – это «детальное изучение образования новых терминов в первую очередь в части производств незаимствованных, а зачатых у нас самостоятельно» [«Очередные задачи технической терминологии», 1931, 3, 54]. Следствием осмысления этой задачи стало возникновение двух взаимодействующих научных дисциплин – типологического терминоведения (С. Г. Казарина) и терминографии, занимающихся описанием отдельных терминологических систем в их современном состоянии.

3. Третья и четвертая задачи технической терминологии были добавлены Д. С. Лотте уже в другой статье, под названием «Упорядочение технической терминологии» (1932). Одна из них была сформулирована как «действительное терминотворчество». С ней связан интерес автора статьи к законам «построения или строения современного термина и будущего» [3, 77]. Оговоримся здесь, что задача эта выполнена в современной лингвистике лишь отчасти: как известно, языковеды не ставят перед собой задачи самостоятельно продуцировать термины во всех отраслях научного знания, кроме языкознания, но в их ономаσιологических работах (например, М. Н. Володиной) вскрывается механизм процесса терминообразования.

4. Другая задача, по мысли Д. С. Лотте, «состоит в использовании... материалов по унификации и стандартизации технических терминов, произведенной в ряде стран Западной Европы и Америки» [3, 78]. Решение этой задачи у лингвистов находит свое отражение в работах по сопоставительному терминоведению (прежде всего Ф. А. Циткиной), в рамках которого осуществляется сравнение терминологических систем, сложившихся не только в разных языках, но и в разных отраслях науки и техники.

5. У Д.С. Лотте есть пассаж о том, что «Термин, как существующий, так и вновь создаваемый, должен вызывать определенную ассоциацию – „частную” или „узловую”» [3, 56]. Далее автор указывает, чем узловая («агрегатная») ассоциация отличается от частной («смысловой»). В этом и других фрагментах статей Д. С. Лотте ставит вопрос, также близкий и лингвистам, – о функциональных аспектах терминологии, о способах ее бытования (прежде всего метафорическом) и связи с процессом мышления. Наконец, Д. С. Лотте перед тем как сформулировать задачи исследователей в области терминологии, предпринимает попытку классификации технических терминов. По его мнению, существуют следующие виды технических терминов: 1) «действительные термины»; 2) «термины-синонимы»; 3) «термины полисемантические»; 4) «термины недифференцированные»; 5) «описательные термины (или вернее – отсутствие терминов)» [3, 70]. Данная типология терминов дала толчок к началу изучения семасиологических аспектов терминологии (А. С. Герд, Т. Л. Канделаки, Г. Ф. Курышко, С. Д. Шелов, А. Э. Цумарев и др.). В настоящее время достаточно хорошо изучены вопросы полисемии, омонимии, антонимии и других лингвистических явлений, связанных со значениями терминов. Так, в теории терминоведения сложилось несколько подходов к проблеме синонимии терминов (В. П. Даниленко, А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Е. Н. Голикина, Н. В. Власенко и др.) и эта проблема рассмотрена на самом различном терминологическом материале: в химии и физике – О. С. Зацепина, К. В. Михайлова; в юриспруденции – С. Е. Быкова, В. М. Хантакова, С. В. Пятчина, Н. Н. Лыкова, Л. П. Шишканова, А. Е. Пчельникова; в экономике – Е. В. Кербер, Л. В. Ивина, Е. Н. Марченко; в медицине – Ж. Багана, С. М. Величкова, В. Ф. Новодранова, Е. А. Федина, Е. В. Смирнова, С. Г. Дудец-

кая; в инженерной психологии – А. М. Клёстер; в нефтяной и нефтегазовой промышленности – А. А. Ефремов, И. Б. Тихонова; в сфере железнодорожного и автомобильного транспорта – Ю. Н. Ревина, Е. В. Демишкевич, Н. В. Лаврентьева; в авиационной промышленности – Е. А. Кортун, Н. С. Шарафутдинова; в машиностроении – Е. Г. Солуянова, в альпинизме – В. Е. Бригиневич, в туризме – О. В. Даниленко; в морском деле – Б. Л. Богородский; в лингвистике – Г. А. Иванова, Л. В. Ивина, О. Л. Арискина, М. Д. Ареф, О. Н. Чарыкова, Е. В. Маринова и т.д.

Таким образом, все последующие десятилетия, вопреки О. Вюстеру, открестившись от встречи с «техниками», лингвисты совершенно парадоксальным образом осуществляли пункты *«конкретной программы языковой политики в области техники»* (выражении е Э. К. Дрезена), намеченной в работах Д. С. Лотте. Но это означает, что логика лингвистического исследования терминологии дает некий сбой: история лингвистического терминоведения (как мы показали) – это история реализации программы Лотте-Вюстера (ведь «все, что будет создаваться в будущем», в самых общих чертах уже известно нам, в отличие от К. Шефлера), но складывается впечатление, что реализация этой программы не была осуществлена «в направлении развития и взаимодействия техники и языка». Именно этот сбой в логике исследования, на наш взгляд, обуславливает многие нерешенные проблемы и недостатки современного лингвистического терминоведения. Не случайно, в последнее десятилетие, как и в 1930-е годы, лингвистами предпринимаются попытки представить некий критический дискурс о судьбе современного терминоведения, что находит отражение даже в названии работ (см., например, у Е. Н. Тарановой – «Проблематика современного теоретического терминоведения, достижения и недостатки терминологических исследований»).

В доказательство своего наблюдения приведем еще одно характерное для лингвистов-терминоведов размышление о будущем на этот раз типологического терминоведения, принадлежащее С. Г. Казариной: «... не решен базовый методологический вопрос: следует ли продолжать детальное исследование терминологий отдельных областей знаний (чем занимается сегодня отраслевое терминоведение) или правомерно создать некую матрицу, содержащую перечень характеристик, которая будет положена в изучение любой терминосистемы» [2]. Очевидно, что первый подход к изучению терминологии уже достаточно исчерпал себя: как бы ни были многочисленны отрасли и представленные в них терминологические системы, их число все-таки ограничено, поэтому лингвистам приходится обращаться к описанию терминологий дисциплин, которые до последнего времени не относились к научным, – спорта, туризма или PR. Второй же подход (а ему отдается предпочтение автором работы) может показаться плодотворным только для языкового терминоведения: создание «некой матрицы», возможно, и поднимет описание терминологии на более высокий уровень обобщения,

но и одновременно уведет исследователя в некие лингвистические теоретические дебри – в сторону от замысла первых терминологов.

Само название научной дисциплины, занимающейся изучением терминов, отражает тот же самый подход: у *терминоведения* нет иных целей, чем изучение терминов и терминологических систем, термины – это и есть цель исследования. Но для «техников» 1930-х годов изучение технической терминологии не самоцель. *Из лингвистических исследований ушел главный посыл инженеров 1930-х годов: для чего следует изучать терминологию?* кому и зачем нужно придумывать некую матрицу, которая «будет положена в изучение любой терминосистемы»? почему не только техника, но, по их мнению, и лингвистам следует двигаться «в направлении развития и взаимодействия техники и языка»?

Ответы на эти вопросы мы находим в статьях Д. С. Лотте и его единомышленников 1930-х годов. Перечислим некоторые из них. С их точки зрения, упорядочение терминологии и выработка «правильной терминологии», во-первых, налаживают процесс взаимопонимания между специалистами при обмене технической информацией, техническими знаниями, например, при чтении переводов и (особенно!) – что подчеркивает Д. С. Лотте – «при знакомстве... с родственными специальностями, не замыкаясь в своей узкой» [3, 56]; во-вторых, облегчают процесс освоения техники, «состоянием современной технической мысли» [3, 49], делая его менее затратным по времени и приложенным усилиям, что особенно важно в условиях индустриализации и «растущей технической активности масс» [3, 69] (а позднее – НТР и массового производства); в-третьих, «подвергнут» техническую мысль (от себя добавим – научно-техническую мысль) «дальнейшему развитию» [3, 49].

Как можно убедиться, эти аспекты статьи Д. С. Лотте не имеют прямого отношения к терминоведению как таковому. Возьмемся утверждать даже, что в лингвистике сложилось ложное мнение, согласно которому Д. С. Лотте принято считать одним из основоположников терминоведения. Скорее всего, инженер стоит у истоков совсем другой науки, связанной с *оптимизацией процессов взаимодействия человека и техники во всех сферах человеческой деятельности – на производстве, в промышленности и экономике в целом*. Речь идет об *эргономике* (в самом широком смысле этого слова), науке, по-прежнему отсутствующей в перечне дисциплин, с которыми связано современное терминоведение. *Заслугу Д. С. Лотте мы видим в том, что в качестве средства такой оптимизации он считает работу с техническим языком*. Неудивительно, что последнюю (еще не названную нами) задачу технической терминологии – «разработать методы постановки лабораторных испытаний» [3, 78] – до сих пор лингвисты обходят стороной, по крайней мере в отношении технической терминологии, еще и потому, что в другом месте Д. С. Лотте настаивает: «В подобные лабораторные обследования (*в лабораторное обследование я включаю, главным обра-*

зом, заводские обследования) должны быть произведены и над старыми терминами, ... и над вновь создаваемыми по специальному методу» [3, 55]. Как следствие, по мысли Д. С. Лотте, рано или поздно лингвисты-терминоведы неизбежно окажутся на производстве или войдут в лабораторию.

В пояснении, вероятно, нуждаются слова Д. С. Лотте о том, что упорядоченная во всех смыслах терминология способствует развитию технической (в нашем случае – научно-технической) мысли. В этом вопросе, на наш взгляд, мы приближаемся к пониманию исследователем природы термина. В работах лингвистов часто приводятся мысли Д. С. Лотте о том, что термины являются «особыми словами». Но в чем же разница в подходах к определению термина у лингвистов и «техников»?

Общеизвестно утверждение Томаса Куна о том, что научно-технические революции, как правило, сопровождаются сменой научных парадигм. С точки зрения лингвиста, эту мысль можно переформулировать иначе: история науки представляет собой последовательную смену языков описания, причем менее эффективные языки уступают место более эффективным. Именно по тому, как меняются языки описания, мы в состоянии судить о том, что наука развивается. В качестве примера рассмотрим, как менялись представления человечества об элементарном «кирпичике» мироздания: атом (в донаучный период) – частица – волна – частица-волна – квант. На этом этапе можно утверждать, что квантовый язык, как говорят физики, «работает», но тем не менее ученые сталкиваются и с тем, что Т. Кун называет «аномалиями» – явлениями и открытиями, которые нельзя объяснить с помощью (в данном случае) квантового языка. В результате ученые предлагают альтернативные квантовому языки описания, центральным понятием которых является уже не «кванты», а «браны», «струны», «графы» и др. Когда и если этот новый язык описания будет найден учеными, можно будет ожидать нового качественного скачка в области естественных наук.

Что же представляют собой хотя бы перечисленные нами термины? В известном смысле это не слова, а некоторым образом «опции» (в современном значении этого слова), предоставляющие ученым известный выбор возможностей описания мира. По ту сторону языка нет ни струн, ни квантов, ни математических уравнений. Но есть операционный язык, важнейшей характеристикой которого является не функция (термин – это «слово в особой функции»), а работа: сначала работают с языком, над языком, и только потом (может быть!) начинает работать сам язык, предлагая ученым более или менее точное, непротиворечивое научное видение мира.

В целом выводы приходится делать неутешительные. Хотя имена Вюстера-Лотте-Дрезена и были начерчены на знамени терминоведов, тем не менее их мысли оказались все-таки «тихо мирно» спущены под откос. Лингвисты, обращаясь к специальным языкам науки, к сожа-

лению, до сих пор предпочитают дескриптивные и прескриптивные методы работы с ними. Эта исследовательская установка также приходит в противоречие с замыслом Д. С. Лотте, который иначе представлял себе роль лингвиста в изучении терминологии: «Задача лингвиста, – писал он, – *не плестись в хвосте, бесстрастно констатируя те или иные факты прошлого и современного*, а взять на себя активную роль, основанную на точном научном прогнозе» [3, 78].

Библиографический список

1. *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии [Текст] // Труды Московского института истории, философии и литературы. – Т. 5. – М., 1939. – С. 3–54.
2. *Казарина С. Г.* Типологическое терминоведение как дифференцированная лингвистическая дисциплина [Текст] // Вестник Адыгейского государственного университета: Сетевое электронное научное издание. – Серия 2. «Филология и искусствоведение». – 1912. – № 3 / [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.adygnet.ru/?2012.3:2027#art2027> (дата обращения – 23.10.2016).
3. *Татаринов В. А.* История отечественного терминоведения: Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. – М.: Московский лицей, 1994. – 408 с.